

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Забытый юбилей:

(300-летняя годовщина смерти Ламберта Дано,
отца "науки" христианской этики, как "особой" в
ряду других)

Опубликовано:

Христианское чтение. 1896. № 9-10. С. 272-278.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ЗАБЫТЫИ ЮБИЛЕЙ.

(300-лѣтняя годовщина смерти Ламберта Дано, отца „науки“ христіанской этики, какъ „особой“ въ ряду другихъ).

АНО или, какъ иначе его называютъ, Данэй умеръ въ 1596 г.—триста лѣтъ назадъ. Имя этого французскаго богослова, къ сожалѣнію, мало кому извѣстно у насъ—на Руси. Не слишкомъ посчастливилось ему и у нѣмцевъ, вообще извѣстныхъ ревнивою заботливостью больше о своей личной ученой славѣ. Впрочемъ, нѣмецкіе ученые, если и не написали о заслугахъ Данэя особаго изслѣдованія, то, во всякомъ случаѣ, отвели ему подобающее мѣсто въ исторіи науки о христіанской нравственности ¹⁾. А въ одной журнальной статьѣ, написанной около 50 лѣтъ назадъ ²⁾ и своимъ предметомъ имѣющей выясненіе постепеннаго роста науки о христіанской нравственности въ нѣдрахъ спеціально реформатской церкви, они отгѣнили дѣятельность и Данэя съ довольно значительною обстоятельностью. Но собственно лишь одни французскіе ученые,—къ ихъ чести сказать,—болѣе или менѣе достойно почтили заслуги своего соотечественника.

¹⁾ См. у *Gass'a* въ „Geschichte der christlichen Ethik“: II, 1. Berl. 1886; S. 117—123; у *Luthardt'a* въ „Gesch. d. chr. Eth.“: zweite Hälfte; Leipz. 1893; S. 99—105; у *Ziegler'a* въ „Gesch. d. chr. Eth.“: 1886; Strassb.; S. 502—503; у *Kübel'a* въ „Christl. Ethik“: Münch., 1896; 1 Th.; S. 39 и друг.

²⁾ Чит. Theologische Studien und Kritiken. 1850. См. статью Schweizer'a.

Особенно слѣдуетъ отмѣтить выпедную въ 1881 году — въ Парижѣ книгу: «L. Daneau, sa vie, ses ouvrages, ses lettres inédites par Paul de Félice», обладающую серьезными научными достоинствами. Эта монографія о Данэѣ была, такъ сказать, юбилейнымъ вѣнкомъ, возложеннымъ (хотя нѣсколько и поздно) на могилу разсматриваемаго нами богослова. Сочиненіе, составившее послѣднюю славу, вышло въ 1577 г., такъ что и юбилейное торжество падало на 1877 г. Но этого торжества, насколько мы знаемъ, не было. Хорошо, что промахъ былъ нѣсколько исправленъ черезъ четыре года и соотечественникомъ же Данэя.

Въ чемъ же состояла заслуга послѣдняго для науки нравственнаго богословія? Въ томъ, что онъ впервые попытался придать послѣдней самостоятельное положеніе въ ряду остальныхъ наукъ и ближайшимъ образомъ въ отношеніи къ догматическому богословію. До временъ Данэя нравственное богословіе вело безличное существованіе, являясь лишь только составною частью догматическаго. Отсюда проистекало множество неудобствъ: нравственные вопросы раскрывались лишь попутно и потому безъ желательной обстоятельности; въ ихъ раскрытіи не было надлежащей систематичности; тормозилось и дѣло выясненія самыхъ догматическихъ вопросовъ и т. д. Но вотъ въ 1577 году обстоятельства измѣнились: благодаря Данэю, указанные неудобства исчезли, и нравственное богословіе сбросило съ себя тяготившія его оковы. Явилось классическое съ этой стороны сочиненіе: «Ethices Christianae Libri III» ¹⁾.

Авторъ первой по времени научной системы христіанской этики, находя, что послѣдней принадлежать всѣ права

¹⁾ Полное заглавіе: „Ethices Christianae Libri III, in quibus de veris actionum humanorum principiis agitur; atque etiam Legis Divinae sive Decalogi explicatio, illiusque cum scriptis Scholasticorum, jure naturali sive philosophico, civili Romanorum at canonico collatio continetur; praeterea virtutum et vitiorum, quae passim vel in Sacra Scriptura vel alibi occurrunt, quaeque ad singula Legis Divinae praecepta revocantur, variae definitiones“.

на самостоятельное бытіе, при этомъ полагалъ, что между христіанскими воззрѣніями и взглядами языческихъ философовъ не всегда имѣютъ мѣсто только пункты разногласія, что, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ и тѣ, и другіе взгляды являются болѣе или менѣе параллельными — одни другимъ. Отсюда не удивительно, что Данэй при всякомъ удобномъ случаѣ пользуется и языческими моралистами, особенно же Аристотелемъ. Въ началѣ *первой книги* рѣчь идетъ о «принципахъ и причинахъ», лежащихъ въ основѣ нравственнаго человѣческаго поступанія. Вопросъ рѣшается подѣ сильнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, Аристотеля, поскольку дѣло касается психологическихъ данныхъ вообще, — и, съ другой, схоластическихъ мыслителей, поскольку имѣется въ виду установка взгляда на «synteresis» и «conscientia», о чемъ такъ подробно и любовно рассуждали въ средніе вѣка, не внося въ дѣло ничего, кромѣ сплошной путаницы. О чемъ прежде всего должна быть рѣчь въ каждой этикѣ, такъ это о человѣческой нравственной свободѣ. Только при положительномъ рѣшеніи этого вопроса этика и можетъ затѣмъ говорить какъ о нравственномъ законѣ, такъ равно объ его предписаніяхъ, также о добродѣтеляхъ и порокахъ — моментахъ, гармонирующихъ съ тѣми предписаніями или не гармонирующихъ и т. д. Данэй, какъ реформатскій мыслитель, конечно, долженъ былъ стоять предъ нѣкоторымъ (понятнымъ) затрудненіемъ: съ одной стороны, нравственная свобода представлялась ему безспорною истиною, а съ другой, вопросъ о предопредѣленіи (въ реформатской его окраскѣ) въ сущности не гармонировалъ ни съ нею, ни, слѣдовательно, съ такъ называемою нравственною отвѣтственностью. Затрудненіе рѣшается, какъ и слѣдовало ожидать отъ Данэя, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ — «συχερὸς Θεοῦ». Будучи таковымъ, человѣкъ въ своей нравственной дѣятельности, по Данэю, смотритъ только на божественную волю — какъ на единственный масштабъ, подѣ который онъ долженъ подгонять свои дѣйствія. Ясно, что все, не подходящее къ

такому масштабу, грѣховно, нравственно—дурно и на оборотъ. При этомъ Данэемъ отдается первое мѣсто цѣльно настроенному нравственно-хорошо человѣку предъ субъектомъ, лишь единичныя дѣйствія котораго гармонируютъ съ божественною волею. Здѣсь обнаруживается и глубокое пониманіе дѣла, и шагъ впередъ сравнительно съ воззрѣніями первыхъ представителей протестантизма. Далѣе, если разсматривать нравственное поступаніе человѣка въ отношеніе къ конечной его цѣли, то послѣднюю, по Данэю, является естественно Богъ и Его восхваленіе. Отсюда все, что не преслѣдуетъ такой цѣли, не можетъ быть отмѣчено чертами нравственно-добраго, хотя бы, повидимому, дѣло представлялось и въ иномъ свѣтѣ. Здѣсь особенно должны быть отмѣчены дѣянія, мысли, намѣренія... человѣка, въ основѣ которыхъ скрывается корыстной элементъ: это обстоятельство лишаетъ ихъ нравственно-добраго отпечатка, налагая на нихъ печать нравственно-дурного. Въ языческой древности обращаетъ на себя вниманіе поведеніе нѣкоторыхъ выдающихся личностей: напр., Сократа, Аристиды и друг. Но, какъ бы нравственно-хороши, повидимому, ни были ихъ дѣянія, въ дѣйствительности они, по утверженію Данэя, не могутъ быть признаны таковыми: ихъ цѣлью не было прославленіе Бога, имъ не чуждъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ и смыслъ корыстный (утилитарный) элементъ и т. под. Впрочемъ, нѣкотораго (относительнаго) достоинства у нихъ Данэй все же не отрицаетъ... Что касается самыхъ добродѣтелей, то онѣ, по примѣру Аристотеля, руководствовавшагося въ этомъ случаѣ своимъ ученіемъ о двухъ главныхъ видахъ души (*φύχή λογική* и *φύχή ἄλογος*), и Данэемъ подводятся подъ категоріи: «умственныхъ» и «нравственныхъ». Если имѣть въ виду воплощеніе добродѣтельныхъ навыковъ въ человѣческой жизни, то здѣсь, по мнѣнію Данэя, между людьми, равно какъ и между добродѣтелями, должно быть полагаемо различіе. Одинъ классъ людей—самые обыкновенные субъекты, одаренные силами, составляющими общее достояніе. Другой

классъ—это люди, находящіеся подъ спеціальнымъ благодатнымъ покровительствомъ Божиємъ, люди, такъ сказать, исключительные. Поскольку имѣется въ виду первый классъ людей, выступаетъ на сцену такъ называемая «человѣческая» добродѣтель (*virtus «humana»*), составляющая цѣль, стремленіе къ которой обязательно для каждаго безъ исключенія. Въ дѣлѣ осуществленія этого стремленія препятствующимъ моментомъ является плотское начало. При постоянной наличности проявляемаго послѣднимъ противодѣйствія, *virtus humana* можетъ быть только болѣе или менѣе «несовершенною». Это несовершенство исчезнетъ лишь за гробомъ, когда перестанетъ имѣть мѣсто противодѣйствіе указаннаго начала. Поскольку же имѣется въ виду второй классъ людей, выступаетъ на сцену уже особая—такъ называемая «героическая» добродѣтель (*virtus «hegoica»*), «божественная», могущая быть достояніемъ только этихъ субъектовъ и никого (изъ людей) болѣе. Послѣ установки и раскрытія всѣхъ вышеотмѣченныхъ пунктовъ, составляющихъ предметъ первой книги даннаго опыта «Христіанской этики», во *второй книгѣ* послѣдней авторъ беретъ десять Моисеевыхъ заповѣдей и по руководству содержанія и смысла ихъ выясняетъ норму нравственно-добраго поступанія и настроенія человѣка. Содержаніе *третьей книги* сводится къ отфѣненію и характеристикѣ «единичныхъ» добродѣтелей какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной ихъ сторонъ, т. е., помимо выясненія добродѣтелей, здѣсь находимъ такое же разсмотрѣніе и стоящихъ въ дисгармоніи съ тѣми грѣховъ, пороковъ (этотъ приѣмъ обыкновенно практикуется и понынѣ значительнымъ большинствомъ моралистовъ и практикуется, конечно, вполне резонно).

Итакъ, починъ въ дѣлѣ выдѣленія науки о христіанской нравственности изъ области другихъ и ближайшимъ образомъ изъ области догматическаго богословія уже сдѣланъ, и сдѣланъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ какихъ Данэй находился, въ общемъ очень

удачно. Доселѣ мы встрѣчали только философскія (языческія) моральныя системы, какъ самостоятельныя, обособленныя явленія. Теперь видимъ и христіанскую. Правда, она еще не могла сразу *окончательно* порвать съ прошлымъ (въ ней замѣчаемъ все еще заявляющее о себѣ вліяніе аристотелевской философіи, столь сильную во всю схоластическую эпоху ¹⁾); усматриваемъ въ ней нѣкоторые элементы и спеціально-схоластическіе, напр., уже отмѣченное выше раздвоеніе понятія: «*συνεἶδησις*» на два частныхъ: «*synteresis*» и «*conscientia*» и друг.), но это сдѣлать было болѣе, чѣмъ трудно, такъ какъ особенности такого прошлаго прочно засѣли въ сознаніи мыслителей даннаго времени. Попытка же порвать съ прошлымъ была предпринята Данэемъ и осуществлена если не вполне, то все же достаточно для перваго раза. Во всякомъ случаѣ, уже повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ. Послѣдующимъ богословамъ оставалось только продолжать начатое удачно дѣло, что, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія науки, ими и выполнялось, и выполняется понынѣ. Нужно было только хорошо начать... Это, повторяемъ высказанную нами выше мысль, великая заслуга со стороны Данэя, бѣльшая, нежели какою она представляется при первомъ взглядѣ. «Какъ въ собственномъ смыслѣ этическая наука», говоритъ Кюбель ²⁾), «и притомъ съ сознаниемъ различія отъ философской этики, христіанская этика выступаетъ на сцену у Данэя»... Этими немногими словами сказано все. — Всѣмъ, интересующимся богословскою наукою, должно быть дорого имя Данэя, поскольку онъ можетъ быть названъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отцомъ *науки* о христіанской нравственности. Можно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, даже должно не соглашаться съ тѣми или иными отдѣльными его положеніями и мнѣніями (разумѣемъ возрѣнія, отмѣченныя

¹⁾ См. объ этомъ, напр., наше изслѣдованіе: „Аристотель и Тома Аквинать въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“ (СПб 1884 г.), часть 1-ю, отдѣлъ 3-й, VII-й пунктъ, стр. 229—236.

²⁾ *Loco cit.*

реформатскимъ отпечаткомъ и отчасти другія), но отъ этого основное, именно указанное, значеніе заслуги Данэя для нравственнаго богословія ни мало не уменьшается. Въ наше время празднуются юбилеи всякаго рода, иногда даже очень сомнительнаго свойства. Юбилейныя воспоминанія о дѣятеляхъ науки, конечно, въ особенности желательны. Къ сожалѣнію,—повторимъ то, что сказали выше,—заслуга Данэя не была награждена воспоминаніемъ въ надлежащій срокъ (т. е., въ 1877 году, когда исполнилось 300-лѣтіе со времени выхода составившаго эпоху въ исторіи науки о христіанской нравственности труда этого богослова) не только у насъ ¹⁾, но даже и на западѣ ²⁾. Пользуемся, поэтому, поводомъ (именно нынѣ исполнившимся 300-лѣтіемъ со дня смерти Данэя), чтобы вспомнить о данномъ моралистѣ-богословѣ хоть теперь. Разумѣется, онъ заслуживалъ бы въ настоящемъ случаѣ болѣе подробной характеристики, обстоятельной о немъ монографіи, но, къ сожалѣнію, все это пока только лишь «desiderium», хотя и «riim».

А. Бронзовъ.

²⁾ Въ издающемся у насъ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза, гдѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются ничего не говоряція имена, о разсматриваемомъ нами ученомъ нѣтъ ни слова. Удивительно и горько!

³⁾ Вышеотмѣченная монографія соотечественника Данхева, какъ и сказано было, нѣсколько запоздала.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки